

СКАЗКИ-
ПРИТЧИ

ТЁПЛЫЙ ДВОР

Леонид
ШУР

Леонид ШУР

ТЁПЛЫЙ ДВОР

«Автор»

2026

ШУР Л.

ТЁПЛЫЙ ДВОР / Л. ШУР — «Автор», 2026

За полем, за лугом, за речкой стоит хутор «Тёплый двор». Пахнет травой, молоком и малиновой карамелью. Здесь живут жёлтый Гусёнок, который не умеет ждать, и розовый Поросёнок, который боится тишины и копит монетки. Один тратит всё сразу. Другой прячет каждую. Оба хранят это в тайне. Между их домами натянута алая лента с узелками. Каждый узелок — воспоминание. Каждый — обещание. И есть тот, кто хотел бы съесть и ленту, и память, и само время. Здесь лепят кривые кувшины, которые поют. Здесь старая Лошадь уходит туда, где весна навсегда. Здесь фиолетовая Коза ест не еду, а пустоту. Здесь мяч висит на ленте, как сердце, и знает то, чего не знают друзья. Десять сказок-притч о дружбе и страхе, о памяти и прощении. О том, что идеальный снеговик — просто снег, а кривой — уже кто-то. С историей. С друзьями. Для семейного чтения. Для разговоров, которые важнее слов. Для тех, кто помнит: сказка — не только для детей. И для тех, кто верит: свет не гаснет. 12+.

© ШУР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ТЁПЛЫЙ ДВОР

Глава

Тепло, которое отдаёшь, возвращается.
Не всегда тем. Не всегда тогда. Но возвращается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказка I. Алая лента

Сказка II. Тёмный чердак

Сказка III. Кто съел мой леденец

Сказка IV. Мяч и щенок

Сказка V. Первый снег

Сказка VI. Гончары

Сказка VII. Горшочек, который помнит

Сказка VIII. Серое пёрышко

Сказка IX. Продолжение следует

Сказка X. Последняя зима

СКАЗКА I . Алая лента

ЧАСТЬ 1. Как они познакомились

Скорлупа треснула с тихим щелчком, будто внутри неё лопнула натянутая нить. Из неё вывалился жёлтый комок, мокрый и взъерошенный, нелепо растопырил лапы и сразу побежал — сам не зная куда. Просто потому, что внутри него было столько всего, что нужно было куда-то это деть.

Он промчался через двор, оставляя на пыли кривые следы, пересёк лужу, расплескав её до самого края, влетел на чужую грядку и выбил из неё первую зелёную стрелку. А потом ударился в забор.

Забор скрипнул. Сначала тонко, потом толсто.

Из-за забора медленно высунулся пятачок — розовый, круглый, с двумя аккуратными дырками. Пятачок дышал спокойно и размеренно.

Гусёнок побежал дальше. Пятачок не двинулся с места.

Через минуту Гусёнок вернулся. Сел. Посмотрел.

Пятачок всё ещё был там.

Гусёнок подошёл ближе, наклонил голову и осторожно ткнул клювом. Поросёнок моргнул.

— Ты кто?

— Гусёнок. А ты?

— Я Поросёнок.

— А что ты стоишь?

— Жду. А ты?

— А мне летать охота. Хочешь со мной?

Поросёнок посмотрел на свои копытца, потом на лужу, потом на забор, потом на небо — на всё сразу, чтобы потянуть время и не отвечать слишком быстро.

— Я не умею.

— Да и я ещё не научился!

Они посмотрели друг на друга. И засмеялись. Первый раз.

Забор скрипнул. На два голоса. Тонкая доска обвиняла толстую. Толстая делала вид, что не слышала.

ЧАСТЬ 2. Соседи

Гусёнок перегнулся через забор и захихикал: «Эй, сосед! Зачем тебе столько монеток? Ты же не можешь их съесть!»

Поросёнок нахмурился: «А ты, Гусёнок, завтра останешься голодным. Все твои монетки уже у Совы. Вот посмотришь!»

Гусёнок взмахнул крыльями. Ему хотелось сказать что-то остроумное, но он только фыркнул и пошёл прочь, хрустя сахарной морковкой. Хруст. Хруст. Хруст.

За широким полем, за зелёным лугом, за речкой, что бежала по камешкам и никогда не уставала, стоял маленький хутор. Назывался он Тёплый Двор. Пахло скошенной травой и тёплым молоком.

Жили там всякие звери. Гусёнок и Поросёнок были соседями. Один копил. Другой тра-тил. Оба хранили это в тайне.

Гусёнок был жёлтый. Шея у него тянулась к небу, будто он всё время пытался дотянуться до чего-то, что видят только дети. У него была мечта. Он хотел алую шёлковую ленту, чтоб завязать бант на шее. Такой бант, чтобы было видно за три поля. Гусёнок видел эту ленту один раз в лавке Совы на верхней полке. Она переливалась, как вода, в которую упало красно солнышко. Стоила она десять монеток. У Гусёнка никогда не было десяти монеток. Потому что как только у него появлялась одна, она тут же превращалась в леденец, или в медовую лепёшку, или в новое пёрышко для хвоста. Гусёнок растрачивал всё сразу. Ждать он не умел.

Поросёнок был розовый, круглый, с пятачком, похожим на детскую пуговку. Когда он садился на крыльцо, ступенька вздыхала. А ещё он боялся белой тишины, когда снег замечает все тропинки, когда земля становится твёрдой, как камень, и из неё не достать ни корешка, ни сладкого жёлудя. И тогда придётся сидеть одному, а в ушах будет так тихо, что даже сердце начнёт стучать слишком громко. Поэтому глиняная копилка была его маленьким сердцем. Пока монетки звенели внутри, зима не могла перешагнуть через порог.

Однажды, когда Поросёнку исполнился год, он проснулся, открыл глаза — и было тихо. Он сел и прислушался — тихо. Он вышел во двор. Было бело и пусто. Он постоял, посмотрел по сторонам — никого. Открыл рот и закричал. Голос упал в снег, точно камень в колодец. Он постоял, подождал. Ничего не происходило. Тогда он вернулся в дом, забрался под одеяло и лежал, не дыша, до вечера. С тех пор он копил монетки.

ЧАСТЬ 3. Возле колодца

Однажды летом выдался такой жаркий день, что даже куры перестали кудахтать и сидели в тени под навесом, делая вид, что их тут нет. Солнце пекло так сильно, что вода в лужах высохла, а дорожка у моста стала мягкой, как тесто.

Гусёнок и Поросёнок встретились у колодца. Гусёнок только что вернулся из лавки, где потратил последнюю монетку на большую сахарную морковку. Он грыз её и довольно улыбался. Хруст стоял такой, что куры на крыше обернулись.

Поросёнок тем временем пересчитывал свои монетки. Он высыпал их из копилки на траву и раскладывал по кучкам.

— Двадцать три, — шептал Поросёнок. — Двадцать четыре. Двадцать пять. И ни одной лишней. Всё правильно. Всё на месте.

Гусёнок подошёл ближе и фыркнул: «Опять считаешь? Тебе что, делать нечего? В такую жару надо купаться, а не монетки перебирать!»

Поросёнок поднял голову и сердито посмотрел на него: «А тебе, Гусёнок, надо было не морковку покупать, а воды налить в кувшин. Видишь, как жарко? Вдруг колодец высохнет?»

— Колодец не высохнет! — захихикал Гусёнок. — А вот ты, Поросёнок, скоро высохнешь от жадности!

— Я не жадный! — обиделся Поросёнок. — Я... я хочу, чтобы у меня было!

Гусёнок от волнения махнул крылом, и морковка вылетела из клюва. Угодила Поросёнку прямо в копилку. Монетки подпрыгнули и рассыпались по траве.

Они бросились собирать. Лбы столкнулись. Оба отскочили. Гусёнок потер лоб крылом. Поросёнок потер лоб копытцем. Они уставились друг на друга с удивлением, словно впервые увидели, что у другого тоже есть лоб. Лоб у Поросёнка был тёплый. У Гусёнка — холодный.

А из пруда на всё это посмотрела зелёная Квакуша и записала в книгу «Спор у колодца. Один копил монеты, другой копил морковки. Оба уверены, что второй неправ. Я ставлю на Курицу. У неё хоть яйца есть».

Квакуша закрыла книгу и облизала губы, чтобы блестели поярче.

Гнедая Лошадь, проходя мимо, остановилась и сказала: «Берегитесь. Фиолетовая Коза будет есть. Не потому, что голодная, а потому что пустая. А пустота хуже голода».

Лошадь пошла дальше. Коза не двинулась. Только голова повернулась. Медленно. Как у существа, которое давно не поворачивалось ни к кому.

— Спорим, я накоплю десять монеток? — выпалил Гусёнок, чтобы только замолчать. — Назло тебе!

Поросёнок медленно поднял голову.

— Ты? Ты даже муравья не сможешь подождать, пока тот перетащит травинку.

— Смогу! А ты... А ты боишься тратить! Ты боишься, что если отдашь монетку, то завтра растает небо и упадёт снег!

Поросёнок вздрогнул, испугавшись внезапного грома. Он крепче прижал к себе копилку.

— Не боюсь, — прошептал он.

— Тогда потрать. Одну монетку. Купи то, что не съешь сам. Слабо?

Поросёнок нахмурился.

И соседи разошлись, каждый в свою сторону.

За прудом, у осинника, стояла Коза. Шерсть её была цвета фиалки, выгоревшей на солнце. Она нюхала воздух так, будто искала то, что потеряла очень давно. У неё не было тени. Тень была у забора, у сарая, у самого Гусёнка. А у Козы — нет. Будто она уже съела и её тоже.

ЧАСТЬ 4. Копилка

На следующее утро Гусёнок проснулся и первым делом побежал в лавку. Сизая Сова варила карамель с малиной. Густой, сладкий, липкий запах цеплялся за пёрышки и тянулся через весь двор.

Гусёнок закрыл глаза. Ему казалось, что если он лизнёт эту карамель, то лето никогда не кончится. Но он представил, как Поросёнок дрожит над своей копилкой, и открыл глаза.

— Накоплю десять монеток, — пообещал он себе. — Назло Поросёнку.

Он купил только один леденец, самый маленький. А вторую монетку положил в старую жестяную банку, которую нашёл на чердаке. Банка была пустая и звонкая. Гусёнок потряс её, внутри что-то стукнуло. И от этого звука ему почему-то стало приятно.

Он поставил банку на полку рядом с кроватью и обратился к ней: «Ну, здравствуй. Ты будешь моей копилкой. Я буду класть в тебя монетки. Каждый день. И когда их станет десять, я куплю ленту. А потом... потом посмотрим».

С этого дня всё изменилось. Каждое утро Гусёнок бежал к пруду и собирал тростник. Это была трудная работа: тростник рос на самом берегу, среди острых камней, и стебли кололи лапы. Лапы болели. Тростник кололся. Один стебель порезал крыло — тонкая красная полоска. Гусёнок облизал рану. Горько. Но монетка в банке звякнула. И стало легче. Гусёнок таскал связку за связкой, пока пух не запылывался.

Однажды он поскользнулся на мокром камне. Всплеск! И Гусёнок оказался в пруду по шею. Тростник уплыл. Пух намок и стал похож на мокрую тряпку.

Сова выглянула из лавки: «Ты чего купаешься? Не сезон».

— Я... я тренировался, — соврал Гусёнок. — Для будущего банта.

Он вылез. Чихнул. И всё равно пошёл за новой связкой тростника.

Сова махнула ему лапкой. Поставила на подоконник чашку. Три кусочка сахара. На счастье. Гусёнок выпил остывший чай и не заметил, что он сладкий. Но запомнил, что стало теплее. Иногда счастье — это подарок, который ты не просил.

Сова платила за каждую связку монетку, мышки любили мягкую подстилку из тростника. И каждое утро Гусёнок клал одну монетку в банку, а вторую катал под крылом, грел её в перьях, представлял, на что потратит. Но потом сжимал зубы и тоже клал в банку. Запах карамели был сильнее, чем желание тратить.

Через три дня в банке лежало три монетки. Через неделю семь. Гусёнок тряс банку каждый вечер и слушал, как монетки стучаются друг о друга.

Но ждать было трудно. Очень трудно. Проходя мимо лавки, Гусёнок закрывал глаза, сжимал зубы и шептал: «Я не голодный, я не голодный, я будущий владелец алого банта».

Но клюв его предавал. Он сам, без спросу, тащил Гусёнка к двери лавки, словно почуяв самый первый весенний цветок.

Один раз он даже дошёл до двери лавки. Потрогал ручку. Заглянул в окно. Сова подняла голову. Гусёнок развернулся и убежал. Сердце колотилось так, будто он совершил преступле-

ние. А он, если честно, и собирался. Упал на траву у пруда. Небо синее дрожало, облака испуганные бежали. И Гусёнку хотелось закричать: «Я уже почти собрал! Подожди меня!»

Той ночью Гусёнку приснился сон. Серый бант летел по небу. И на нём было написано: «Не для тебя». Гусёнок проснулся. И впервые подумал: а что, если бант — не главное?

ЧАСТЬ 5. Трата

А Поросёнок тем временем стоял у лавки и не мог решиться. Он держал в копытцах монетку и глядел на мешок пшена. Мешок был большой и тяжёлый. Поросёнок представил, как он отдаёт монетку, и ему стало почти больно. Как будто у него отрезали кусочек копытца.

Но потом он вспомнил вчерашний спор. А потом вспомнил рябую Курицу, которая каждое утро выходила во двор и искала зёрнышки в траве. И которая волновалась за своих будущих цыплят.

— Это всего одна монетка, — сказал себе Поросёнок. — У меня их двадцать пять.

Он глубоко вздохнул и попросил: «Дайте мне мешок пшена».

Сова удивилась: «Ты? Покупаешь? Для кого?»

— Для Курицы, — ответил Поросёнок, взял мешок пшена. Но потом остановился.

— Нет, — сказал он. — Пшено — это еда. А я пообещал купить что-нибудь, что не съешь сам.

Сова задумалась. Потом полезла на верхнюю полку и достала оттуда маленький тёплый платок из овечьей шерсти.

— Вот, — сказала она. — Для Курицы, которая сидит на яйцах. Ей нужно тепло.

Поросёнок взял платок и понёс его через двор. Платок был лёгкий, но Поросёнок всё равно запыхался, так он спешил. И когда он отдал платок Курице, та всплеснула крыльями и закудаhtала: «Ко-ко-ко! Поросёнок! Ты ли это? Спасибо тебе! Спасибо!»

Поросёнок улыбнулся и вспомнил, что забыл, когда улыбался в последний раз. Наверное, тогда, когда был маленьким и ещё не знал, что такое зима.

Курица сказала: «Я тоже боюсь зимы. Но я сижу на яйцах. И мне некогда. Может, и тебе кого-нибудь согреть? Не чтобы не бояться. А чтобы было некогда».

Поросёнок шёл домой и думал не о копилке. А о том, что платок был тёплый.

Вечером он вернулся домой и потрогал свою копилку. Она стала легче на одну монетку. Но страха не было. Страх не пришёл. Поросёнок потряс копилку, монетки стукнули.

И в эту ночь ему приснился сон, которого он раньше не видел. Ему приснилось, что он стоит посреди белого поля, и снег падает, но не холодно. И не понятно, почему.

ЧАСТЬ 6. Мастерская Тепла

Через неделю Гусёнок и Поросёнок встретились у колодца.

— Знаешь, — начал Гусёнок, — я собрал много пуха. А что, если делать из него тёплые подстилки для гнёзд?

— Кому? — спросил Поросёнок.

— Другим животным! — воскликнул Гусёнок. — Куры хотят утеплить гнездо, утки сделать мягкую постель, а сова говорила, что мышки ищут что-нибудь тёплое для норки.

Поросёнок задумался. Потом сказал: «А я могу лепить из глины горшочки. Чтобы звери прятали там орехи от холода. У меня во дворе есть немного глины, я её накопал у реки. Я умею лепить».

— Горшочки? — удивился Гусёнок.

— Да, — ответил Поросёнок. — Маленькие, крепкие. Чтобы другие звери не боялись зимы. Я всю жизнь боялся. А если я буду делать горшочки для других, может, и сам перестану бояться.

Гусёнок улыбнулся: «Давай сделаем Мастерскую Тепла!»

Они устроили её в старом сарае у моста. Крыша у сарая была покатая, как у старушки, которая наклонилась, чтобы рассмотреть что-то на земле. Черепица потемнела от времени, и в одном углу мох пробился сквозь щели, словно сарай дышал. Сарай был старый. Двери скрипели. Окна были забиты досками. Внутри пахло пылью и мышами.

Первым делом они вымели паутину. Потом нашли старый стол. Потом — полки.

Сова дала им гвозди и доску для вывески. Лошадь помогла перетащить полки. Голубая одноухая Кошка принесла краски. На вывеске Поросёнок написал: «Мастерская Тепла».

Лошадь посмотрела на вывеску: «Мастерская Тепла? В моём возрасте уже поздно менять профессию».

— Но вы же Лошадь, — удивился Гусёнок.

— Именно, — ответила Лошадь. — И горжусь этим. Хотя... — она задумалась, — если бы вы делали тёплые подстилки для хвостов, я бы подумала. Но я старая. Скоро мне будет не до ваших затей.

Пошла к сараю и закрыла дверь.

В первый день никто не пришёл. Второй — тоже. Гусёнок сел на пол: «Никому не нужно наше тепло». Поросёнок посмотрел на глину в руках: «Может, ты прав».

Но на третий день пришла Коза. Потрогала подстилку. Понюхала. И съела.

— Эй! — крикнул Гусёнок.

— Вкусная, — пробурчала Коза с полным ртом. — Можно ещё?

— Ну, — заметил Поросёнок, — хотя бы кто-то оценил. Давай сделаем из колючего тростника. Чтобы не съели.

На четвёртый день пришла бежевая Мышь и попросила маленький горшочек для орехов. Потом взяла подстилку и потрогала: «Колется. Но пахнет вами. Буду спать. Мягкое — ничьё. Колючее — ваше». И ушла, оставив два зёрнышка.

— Она заплатила? — спросил Гусёнок.

— Она обменяла, — поправил Поросёнок. — Это честнее, чем монетки.

Потом пришла Курица, взяла пуховую подстилку, покрутила и нахмурилась: «Что-то пух неровный. Тут комочек. А тут дырка».

Гусёнок хотел сказать: «Ну и ладно», но Поросёнок взял подстилку, разобрал её и сделал заново. На этот раз ровно.

Курица вернулась вечером. Потрогала.

— Вот так, — сказала она. — Возьму. Пусть цыплята спят тепло.

И ушла. А Гусёнок с Поросёнком глядели ей вслед и молча держали в копытцах монетки, которые заработали сами.

С этого дня звери пошли один за другим. Мышки меняли горшочки на зёрнышки. Белки приносили взамен орехи и сушёные грибы. А утки обменивали самые красивые перья на тёплые подстилки.

Гусёнок клал свою долю в жестяную банку. А Поросёнок клал свою долю в глиняную копилку. И уже не прятал её под кровать. Ставил на подоконник. Чтобы видно было.

На пятый день Коза вернулась. Понюхала новую подстилку. Лизнула.

— Колется. Но вкусно. Можно ещё?

— Нет! — крикнули оба.

Коза вздохнула и ушла. Через час вернулась. И съела вывеску.

— Буквы сладкие. Чем вы их намазали? — сказала она с полным ртом.

Гусёнок сделал новую вывеску. Из колючего тростника. Коза лизнула. Поморщилась. Ушла.

Но Гусёнок заметил: там, где она стояла, трава пожухла. Как будто Коза высосала из травы цвет.

Квакуша открыла книгу и записала в книгу мелким почерком: «Что-то не так. Не знаю что. Завтра проверить температуру пруда». Потом подумала. И дописала: «И купить замок на книгу. На всякий случай».

Потому что иногда вещи исчезают не сразу. Сначала трава становится серой, как старая газета. Потом исчезает запах яблок. Потом звери начинают забывать, куда положили свои вещи, и путают, где чья норка. И только те, кто умеет смотреть, замечают: мир стал чуть бледнее. А те, кто умеет считать, замечают другое. Кто-то начал есть. И он ещё не наелся.

Квакуша открыла книгу и записала: «Когда коза ест, страшно. Когда смотрит, ещё страшнее». Потом подумала и дописала: «Но, кажется, она не хочет есть. Она хочет согреться. Только не знает как».

ЧАСТЬ 7. Белая тишина

Но беда пришла с севера. Ударил мороз. В одну ночь. Лужи стали стеклом. Трава звенела, как битый фарфор. Небеса замолчали. Зима упала. И отрезала хутор от мира. В воздухе запахло льдом. И тишиной. Поросянок выглянул во двор. Тропинки исчезли. Забор исчез. Мост исчез. Только белое. Ровное. И ни одного следа, куда идти. Как будто все дороги взяли и убежали.

Все звери растерялись. Одни не успели собрать зерно. Другие не успели заготовить припасы. Третьи не успели утеплить свои гнёзда.

А Поросянок... Поросянок глядел на снег и чувствовал, как страх, который он так долго прятал, выползает наружу. Он бросился к своей копилке. Потряс её так сильно, что она выскользнула из копытцев. Упала. И треснула. По самой середине. Трещина тонкая, как волосок. Монетки высыпались. Круглые. Холодные. Поросянок смотрел на них и не чувствовал ничего. И это было страшнее всего.

Поросянок замер. Одна монетка выкатилась, покатила по полу и застряла в щели.

— Нет, — прошептал он. — Только не это.

Он бросился за монеткой. Скользнул. Упал. Врезался лбом в печку. Печка загудела. Из трубы вылетел клуб дыма прямо Поросянку в лицо.

Когда дым рассеялся, Поросянок сидел на полу, чёрный, как уголёк, и моргал. Только пятачок остался розовым. И одна монетка в зубах.

— Я не умру с голоду, — сказал он. — Я не умру с голоду. У меня есть монетки. У меня есть копилка. У меня есть...

Он замолчал. Потому что раньше знал: у него есть монетки, и этого достаточно. Теперь монеток стало меньше. А страх стал больше. И страх, если честно, всегда больше. Он растёт, когда на него не смотришь.

ЧАСТЬ 8. Подарок

Гусёнок шёл к Поросёнку вечером. Он хотел показать ему, что в его банке уже девять монеток. Ещё одна, и скоро будет сделан алый бант.

Но по дороге он остановился у лавки, где торговала Сова.

Она стояла у лавки и смотрела на небо.

— Ты чего? — спросил Гусёнок.

— Считаю звёзды, — сказала Сова. — Их сегодня мало.

Гусёнок посмотрел на небо.

— А зачем считать?

— Чтобы не забыть, что они есть, — сказала Сова. — Когда снег идёт долго, кажется, что неба нет. А оно есть. Просто его не видно.

Гусёнок кивнул. Пошёл дальше.

Окно было тёмное, лавка закрыта. Только лента лежала на верхней полке и сияла в темноте. Гусёнок прижался клювом к холодному стеклу и уставился на неё. На стекле остался отпечаток клюва, маленький, круглый, как монетка. Гусёнок провёл крылом по стеклу. Отпечаток остался.

Гусёнок глядел на ленту, пока не затекла шея. Он представлял, как повяжет бант. Как все ахнут. Как он будет самым красивым. Потом посмотрел на свою банку. Девять монеток. Девять раз он уходил от лавки, когда пахло малиной. Девять раз он повторял: ещё чуть-чуть.

И вдруг Гусёнок понял, что не хочет. Бант был всё такой же алый, шёлковый, переливчатый. Но за холодным стеклом лента казалась тряпочкой.

А где-то там, за двором, сидел Поросёнок. И Поросёнку было страшно.

Гусёнок отошёл от окна. Поросёнок сидел на полу и глядел на копилку. Он не улыбался. Он даже не повернул голову. За окном падал снег. Тени от снежинок ложились на пол. Круглые. Как монетки. Поросёнок протянул копытце. Тень растаяла. Осталось мокрое пятно.

— Что случилось? — спросил Гусёнок.

— Зима, — вздохнул Поросёнок. — Я знал, что она придёт. Я всегда знал. А теперь у меня мало монеток. Я потратил их. На пшено для курицы. На краски для горшочков. На то, чтобы не бояться. А теперь бояться снова не на что.

Гусёнок сел рядом.

— Ты не умрёшь, — начал он. — У нас есть Мастерская Тепла. У нас есть...

— У меня нет, — ответил Поросёнок. — У меня ничего нет. Я потратил всё. Я был жадиной, а теперь я... пустой.

Гусёнок тронул свою банку. Девять монеток. Он взял банку. Жестянка была тёплой, он держал её у себя под крылом всю ночь. Он даже спал с ней. Потому что боялся, что если отпустит, монетки исчезнут. Горло его сжалось, как будто он проглотил колючку.

— Знаешь, — начал Гусёнок. Голос его дрогнул, и он сглотнул, словно проглотил что-то горькое. — А ведь бант — это всего лишь...

Гусёнок прижался клювом к холодной и пустой банке, потом перевернул её. Монетки звонко и легко покатались по полу, словно никогда и не были главной мечтой на свете.

— Возьми, — сказал Гусёнок. — Купи зерна. Купи дров. А я... я посмотрю на ленту через окно. Мне хватит.

Поросёнок перевёл взгляд с монеток на Гусёнка.

— Я не могу, — ответил он. — Это твоя мечта. Бант согревал тебя.

— Мечта не умрёт, — возразил Гусёнок. — А ты можешь. Если я тебя не спасу.

И он положил монетки в копытца Поросёнка. Крылья дрожали. Он дышал тяжело. Как будто отдавал не деньги. А часть себя.

Поросёнок посмотрел на девять монеток. Потом медленно подошёл к своей треснувшей копилке в углу. Поддел копытцем щель и достал ещё одну. Тусклую, с царапиной.

— А эту я нашёл, когда копилка треснула, — тихо сказал Поросёнок. — Думал, потерял.

ЧАСТЬ 9. Лента

Поросёнок взял монетки и купил зерна, сена и дров. Он поделился с другими зверьми. А Гусёнок остался без монеток. И без банта. Гусёнок иногда заходил и глядел на него через окно и думал: ничего. Я ещё соберу. Я умею копить.

Зима никак не кончалась. Но уже не пугала. Потому что все звери помогали друг другу. Поросёнок делился едой. Гусёнок делился теплом, он носил солому из Мастерской Тепла и разносил по домам. А за это звери платили. Мышки приносили зёрнышки. Белки — орехи. Утки — перья. И монетки. По одной. По две. Те, что заработали вместе. Поросёнок клал их в треснувшую копилку. И копилка снова звенела.

Но страх не ушёл сразу. Иногда, поздно вечером, Поросёнок просыпался и снова тряс копилку. Монетки стучали. Тогда он вставал, шёл к окну, глядел на снег и вспоминал, что у него есть друг. И страх отступал. Не быстро. Но отступал. Страх вообще не уходит сразу. Он уходит, как старый жилец: медленно, оглядываясь. И оставляет после себя пустую комнату. И запах, который ещё долго не выветривается. Но однажды ты просыпаешься — и запаха нет. И ты понимаешь: жилец ушёл. Навсегда.

А когда пришла весна, снег растаял, и трава снова зазеленела, Поросёнок пришёл к Гусёнку. В копытцах он держал свёрток.

Внутри лежал целый метр алой шёлковой ленты.

— Я купил её, — признался Поросёнок. — После зимы у меня осталось ровно десять монеток. Сова взяла все до одной. И положила на прилавок ленту.

— С тебя хватит, — махнула лапой она.

Гусёнок ахнул и потянулся к ленте, но Поросёнок мягко отвёл его крыло.

— Это не тебе одному, — заметил Поросёнок. — Лента длиннее мечты, потому что соединяет разных, а не украшает.

Они вышли на крыльцо. Поросёнок обмотал алую ленту вокруг ручки двери Гусёнка, а Гусёнок взял другой конец и обмотал вокруг ручки своей двери.

Лента провисла. До самой земли.

— Высоко, — заметил Поросёнок.

— Это ты низко привязал, — возразил Гусёнок.

Они перевязали. Лента натянулась, и Поросёнка дёрнуло вперёд. Он чуть не упал.

— Осторожно!

— Это ты тянешь!

Они перевязывали трижды. На четвёртый раз Гусёнок наступил на ленту и упал. Поросёнок захрюкал и выпустил конец из копытцев.

Наконец получилось. Лента алела на солнце. Тень от неё легла на землю тонкая, длинная, как ниточка от иголки.

— Чтобы ветер не гулял между нами, — сказал Поросёнок.

Лента трепетала на ветру.

Поросёнок посмотрел на неё и спросил: «А если она порвётся?»

Гусёнок пожал крыльями: «Тогда мы свяжем её снова».

Поросёнок кивнул.

А в пруду Квакуша, сидя, глядела на алую ленту между двумя домами. Вода была спокойная. Тихая. И в этой тишине было что-то такое, от чего даже лягушки замолкают. Посмот-

рела на мельницу. Там было темно. Но не так, как ночью. По-другому. Она знала эту темноту. Она видела её маленькой. Она не выросла. Она ждала чего-то. Но стрела ни откуда не прилетела. Принц не собирался жениться.

Конец сказки I.

СКАЗКА II. Тёмный чердак

ЧАСТЬ 1. Шкатулка

С тех пор как алая лента соединила их дома, прошло три месяца. Осень пришла в Тёплый Двор не сразу, а по частям — сначала пожелтел один клён у пруда, потом утки начали собираться в стаи, потом мышки стали таскать зёрна не по одному, а по два и по три, словно спешили.

А Сова сидела в своей лавке и считала монетки. Но не те, что лежали в кассе, а те, что были в старой книге. Книга была толстая, в кожаном переплёте, с пожелтевшими страницами. Пахла страницами, которые слишком долго не видели света. В книге было написано: «Образцы монет. Хранятся на чердаке. Шкатулка с тремя замками».

Сова вздохнула и подняла взгляд на потолок. Она знала, где шкатулка, но что-то забыла. На чердаке было темно. А Сова уставилась на закрытую полку в углу лавки. Ту самую, за которой она никогда не позволяла никому рыться. Там стояла старая банка с вареньем, которое никто не ел. И ещё что-то, чего она сама не видела с тех пор, как была маленькой.

— Пропала, — сказала она вслух. — Сто лет назад пропала. Это много тишины. И я берегла эту тишину больше, чем темноту.

Гусёнок услышал это, потому что как раз принёс ей связку тростника. Он выпрямился, вытянул шею так, что почти коснулся потолка лавки, и сказал: Я найду.

— А ты? — спросила Поросянка Сова. — Ты же боишься пауков.

— Он не боится пауков, — ответил Гусёнок. — Он их уважает.

— А темноты?

Гусёнок молчал. Сова посмотрела на него. Поросянок посмотрел на него. Даже Мышь, которая тащила зёрнышко, остановилась и посмотрела на него. Потом Мышь посмотрела на зёрнышко. Потом снова на Гусёнка. И решила, что зёрнышко важнее.

— Я боюсь, — прошептал Гусёнок, — что в темноте я становлюсь маленьким. А я хочу быть большим.

Сова прикрылась крыльями.

— Я была маленькой. У меня был брат. Старше на день. Мы играли в прятки. В подвале. Я спряталась слишком хорошо. Он ушёл искать меня. И не вернулся.

Поросянок заплакал.

— С тех пор я боюсь заходить в тёмные места, — тихо сказала Сова. — Я всё время думаю: а вдруг я зайду, а дверь закроется, и я забуду, как зовут моих друзей?

— Я не забуду! — воскликнул Поросянок. — Я буду громко топать. Чтобы ты слышала.

Гусёнок сказал: «Я буду искать, пока не найду».

— Страшно остаться маленьким, — добавил Поросянок. — Тебя не найдут.

Сова подошла к стене. Открыла дверь на чердак. Темнота выдохнула. Пахнуло пылью и старым мёдом.

— Идём. Я пойду первой и покажу, где спряталась.

Шагнула в темноту. Гусёнок и Поросёнок — за ней. Темнота была старая. Как Сова. Как её брат. Как все, кто когда-то потерялся.

Поросёнок отложил горшочек. Встал. Отряхнул глину с копытцев.

— Я пойду с тобой, Гусёнок, — заявил он. — Я боюсь, когда никого нет рядом.

— Без монет я не смогу открыть счёт до пятницы, — сказала Сова. — А без счёта лавка закроется. И мышки останутся без зерна. И утки без тростника. И вы без карамели. Пятница через три дня. Иначе всё пропало. Дальше сами.

Поросёнок подмигнул Гусёнку.

— Вперёд! — воскликнул Гусёнок.

Квакуша сказала: «Я туда ходила. Там темно, но не страшно. Там сидит то, что вы потеряли».

Они пошли к старой лавке за мостом, в которой забиты окна. Покосившаяся дверь скрипнула так, что утки на пруду взлетели. Из двери вылетела пыль. Густая, серая, живая. И закружилась в воздухе, как стая маленьких призраков.

Поросёнок чихнул так, что с полки слетела банка с вареньем. Банка упала прямо ему на голову. Варенье потекло по ушам.

— Теперь ты малиновый, — заметил Гусёнок.

— Зато тёплый, — буркнул Поросёнок, наклонился и лизнул ухо.

— Почему ты сто лет не поднималась на чердак? — спросил Гусёнок по дороге.

Сова, которая шла с ними, вздохнула: «Потому что там темно. А я люблю темноту».

— Тогда чего ты боишься?

Сова опустила голову: «Именно поэтому и боюсь. Когда ты чего-то любишь, ты боишься это потерять. Или понять, что это не такое, каким казалось».

Она подняла глаза и посмотрела на друзей, прищурившись. И пошла дальше.

Гусёнок шагнул. Нога провалилась. Он схватился за Поросёнка. Поросёнок схватился за стену. Стена оказалась дверью. Дверь открылась. Гусёнок хихикнул. Поросёнок считал шаги. Один. Два. Три. На четвёртом сбился. На пятом перестал считать. На шестом понял: считает удары сердца. Сердце стучало. Громко. Как будто хотело выйти. Гусёнок слышал. Своё. И Поросёнка. Два сердца. Вместе. Гусёнок успокоился. Поросёнок успокоился. Темнота стала тише. Сердца бились громче.

ЧАСТЬ 2. Лаз

В углу валялось ветхое седло. На стене висела гирлянда из старых фонариков, почерневшая, как паутина. Рядом — игрушечный козлёнок. Облезлый. С одним рогом. Сова сказала: «Это не моё».

Гусёнок поднял голову. В потолке был лаз. Чёрный, узкий, квадратный. Тянуло холодом, старым сеном и забытым мёдом. Как дыра в никуда. Как будто за ним кончался мир.

Поросёнок подошёл и заглянул в лаз. Обернулся и сказал: «Там вещи, которые спят. Идём».

Он подставил Гусёнку спину. Гусёнок залез. Поросёнок за ним.

Но лаз был узкий. Поросёнок застрял. Его круглые бока, розовые, в пылинках, вжались в края лаза. Пятачок покраснел от натуги. Уши торчали вниз, как два мокрых листа. Он пыхтел. Гусёнок тянул за хвост. Хвост вытянулся, как резинка. Поросёнок ойкнул. Гусёнок отпустил. Хвост шлёпнулся обратно.

— Толкай! — взвизгнул Поросёнок.

Гусёнок схватил его за копытца и потянул. Потянул.

Поросёнок не двигался.

— А давай маслом? — предложил Гусёнок, — У меня в кармане кусочек масла. На счастье.

— Ты что, масло на счастье взял?!

— Давай я тебя укушу, — сказал Гусёнок, — Чтобы ты испугался и выскочил.

Поросёнок испугался, хрюкнул и напрягся. А потом вылетел, как пробка, и шлёпнулся в таз с вареньем. На потолке остался розовый отпечаток пяточка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.